

ДВОЙНОЕ ОДИНОЧЕСТВО: МИГРАНТЫ-МСМ В ЭСТОНИИ

Максим Касянчук
Сагиб Кульбаев
Лачин Алиев

Таллинн, 2024
www.ehpv.ee

Касянчук М., Кульбаев С., Алиев Л. *Двойное одиночество: мигранты-МСМ в Эстонии / Эстонская сеть людей, живущих с ВИЧ.* — Таллинн, 2024. — 18 с.

ISBN 978-9916-9366-0-3 (pdf)

Вклад авторов: *МК* — разработка протокола и инструментария исследования, подготовка первого варианта рукописи, *СК* — рекрутинг респондентов, *ЛА* — общее руководство исследовательским проектом

Исследование проведено Эстонской сетью людей, живущих с ВИЧ при поддержке ЕКОМ — Евразийской коалиции по здоровью, правам, гендерному и сексуальному многообразию

Дизайн обложки: *Яна Левман*

Содержание

Глоссарий	2
Введение	3
Методическая часть	5
Основные исследовательские вопросы	5
Выборка	5
Этика сбора и обработки данных	5
Обработка данных	6
Результаты	7
1. Демография	7
2. Причины эмиграции и контакты с родными и близкими в стране исхода	7
3. Интеграция в Эстонии	8
4. Случаи стигмы и дискриминации в Эстонии	11
5. Трудности в получении медико-социальных услуг	13
6. Планы на будущее	14
Выводы	17

Глоссарий

ВЕЦА — Восточная Европа и Центральная Азия

ВИЧ — вирус иммунодефицита человека

ЛГБТ — лесбиянки, геи, бисексуальные и транс-люди

ЛЖВ — люди, живущие с ВИЧ

МСМ — мужчины, имеющие секс с мужчинами

НГО — негосударственная и неприбыльная организация

СОГИ — сексуальная ориентация и гендерная идентичность

ЕНРV — *Eesti HIV-positiivsete võrgustik* — Эстонская сеть людей, живущих с ВИЧ

Введение

Эстония — страна в ВЕЦА с наиболее развитой экономикой. Её правовая среда является наиболее благоприятной для ЛГБТ по сравнению с другими пост-советскими странами — Эстония является единственной страной в регионе ВЕЦА, где однополые пары имеют право на заключение гражданского партнёрства (З-н о совместном проживании в редакции от 09.10.2014 г., действующий с 01.01.2016 г.) и гендерно-нейтрального брака (З-н о семье от 01.07.2023 г., вступивший в силу с 01.01.2024 г.).

Всё это обуславливает привлекательность Эстонии как страны назначения для иммигрантов (в том числе ЛГБТ) из стран бывшего Советского Союза, где существуют все возможные причины миграции: войны (Армения/Азербайджан, Грузия/россия, Молдова, россия/Украина), поиск работы, поиск международной защиты из-за систематических нарушений прав человека (Беларусь, россия, Узбекистан, Туркменистан и др.)¹.

Согласно данным Департамента статистики люди с паспортами стран бывшего СССР составляют подавляющее большинство экспатов в Эстонии. Так, на 1 января 2024 г. из 1 374 687 проживавших в Эстонии людей 150 188 или 11% составляли граждане пост-советских стран, а среди них основная часть (139 746 чел.) приходилась на обладателей украинских и российских паспортов². Миграционная ситуация существенно изменилась с началом полномасштабного вторжения российской федерации на территорию Украины — Эстония, как и другие страны Балтии, предоставила украинцам международную защиту.

Как было показано ранее, в Эстонии³ и в целом в Европе мигранты сталкиваются с препятствиями в доступе к медицинским и социальным услугам из-за стигматизации и страха дискриминации в медицинских учреждениях. Риск ухудшения здоровья мигрантов связан с политическими и социокультурными факторами⁴, напр. мигранты без статуса резидента могут избегать лечения из-за страха задержания или депортации.

Вместе с тем эстонское общество резко разделено по языку, что отражается на всех сферах жизни, в том числе ЛГБТ-сообщества⁵. Эстония не получает

¹ Zardiashvili T., Kasianczuk M. Desk review on LGBT migrants and refugees in CEECA in the context of HIV and other health risks / Eurasian Coalition on Male Health (ECOM). — Tallinn, 2019. — 44 p.

² https://andmed.stat.ee/et/stat/rahvastik_rahvastikunaitajad-ja-koosseis_rahvaarv-ja-rahvastiku-koosseis/RV069U

³ Kasianczuk M., Rützel K., Tšerkašina E., Kulbayev S., Djuma V. Immigrandid Eestis: HIVi ja kaasuvate infektsioonide olukorra hindamine, et tagada sellele olulisele sihtrühmale vajalikud teenused. Uuringuraport. — Tallinn: Euraasia soo, õiguste ja seksuaalse sätumuse mitmekesisuse koalitsioon, Tervise Arengu Instituut; 2021. ISBN 978-9916-4-0928-2

⁴ Weine, S. M., & Kashuba, A. B. (2012). Labor Migration and HIV Risk: A Systematic Review of the Literature. *AIDS and Behavior*, 16(6), 1605–1621. <https://doi.org/10.1007/s10461-012-0183-4>

⁵ Касянчук М. Етнічний вимір у змінах ставлення естонського суспільства до ЛГБТ-проблематики // Феномен соціальної консолідації у Центрально-Східній Європі: нові реалії та виклики : матеріали

с 2004 г. средств Глобального фонда, деятельность ВИЧ-сервисных и ЛГБТ-НГО осуществляется, как правило, за счёт местных ресурсов⁶.

Литература об эстонских МСМ ограничена и базируется на небольших выборках, охватывающих преимущественно столицу⁷. В 2021 г. оценочная численность МСМ составляла 9 909 [6 279–14 243]⁸.

Таким образом, исследование потребностей мигрантов-МСМ в Эстонии является актуальной задачей, а собранные данные помогут сделать существующие в стране услуги более подходящими для людей из этой небольшой, но весьма социально-уязвимой группы.

міжнарод. наук.-практ. конф. 26 вересня 2023 року. м. Кишиневу – м. Одеса / за ред. О. В. Лісеєнко. — Одеса: Видавничий дім «Гельветика», 2023. — С. 37–40.

⁶ Kasianczuk, M. jt. MSM-id ja transinimesed Eestis: rahvastikurühmade suurus, sisemine homofoobia, osalus HIV-programmides ja rahulolu nendega / M. Kasianczuk (Ukraina Teaduste Akadeemia Sotsioloogainstituut), K. Dumchev (Ukraina rahvatervishoiupoliitika instituut), L. Alijev, S. Kulbaev, L. Andrijauskas, G. Kuznetsov, P. Ulmanis (Eesti HIV-positiivsete võrgustik). — Tallinn, 2024. — 70 lk. ISBN 978-9916-4-2442-1

⁷ Rüütel K., Chikhladze S., Kasianczuk M. Assessment of strategic information on men who have sex with men and trans people in Estonia / K. Rüütel, S. Chikhladze, M. Kasianczuk (Eurasian Coalition on Male Health). — Tallinn, 2018. — 20 p.

⁸ Kasianczuk M., Rüütel K., Lõhmus L. MSM Population Size Estimation in Estonia: Research report / National Institute for Health Development. — Tallinn, 2023. — 15 p.

Методическая часть

Основные исследовательские вопросы

Причины эмиграции, стратегии интеграции на новом месте, связи с ЛГБТ-сообществом Эстонии и открытость в отношении своей СОГИ, контакты с родными и близкими в стране исхода, случаи стигмы и дискриминации, трудности в получении медико-социальных услуг, планы на будущее.

Выборка

В исследовании использована качественная методология, а именно — серия полуструктурированных интервью. Собранные данные изучались с использованием тематического анализа.

Выборка вначале формировалась по рекомендациям местных ЛГБТ-активистов, далее опрошенные сами направляли исследователей к своим знакомым (снежный ком).

В целом, в течение июля-сентября 2024 г. интервью проведены с 10 МСМ, иммигрировавших в Эстонию из стран ВЕЦА.

Критериями включения были: отсутствие эстонского гражданства, самоидентификация в качестве гея или бисексуального мужчины, наличие информированного согласия на участие в исследовании.

Критерием исключения было алкогольное или наркотическое опьянение или другое состояние изменённого сознания.

Этика сбора и обработки данных

Исполнители проекта и лица, привлеченные к обработке информации, прошли инструктаж по конфиденциальности полученных данных.

До того, как участники начинали отвечать на вопросы, их просили устно подтвердить согласие на участие в исследовании, в том числе на аудиозапись интервью.

Всем участникам были даны ответы на возникшие у них вопросы. Потенциальные респонденты были также проинформированы о том, что участие в исследовании является добровольным, а они в любое время могут прекратить интервью. Также разъяснено, что любая информация об участниках является конфиденциальной, а по обнародованным данным невозможно будет идентифицировать участника.

После интервью каждый участник получил подарочную карту на сумму 50 евро.

После расшифровок интервью все аудиозаписи были уничтожены.

Обработка данных

Продолжительность интервью в среднем составляла 40 мин.

Дословные расшифровки были закодированы с помощью MAXQDA. Кодировочная книга базировалась на темах исследовательских вопросов.

Цитаты представлены в тексте курсивом, при необходимости с авторскими комментариями в квадратных скобках «[]». В случае, если часть цитируемого текста пропущена, это маркируется как «/.../». Каждая цитата содержит обезличенную ссылку, напр. «Респ. 1».

Результаты

1. Демография

С десятью опрошенными были записаны полуструктурированные интервью (на украинском или русском языках по выбору респондента).

Средний возраст опрошенных 31 год (от 20 до 38), шестеро прибыли с территории российской федерации, двое — из Украины и двое — из стран Центральной Азии. На момент интервью шестеро проживали в Таллинне. Среди респондентов было семеро геев и трое бисексуалов. Все участники были цисгендерными мужчинами (Табл. 1).

Табл. 1 Общие характеристики участников исследования

№	Возраст, лет	Стаж в Эстонии, лет	Место жительства	Страна исхода	Сексуальная ориентация	Семейное положение	ВИЧ-статус
1	27	2	Нарва	Российская Федерация	гей	замужем	негативный
2	31	8	Нарва	Российская Федерация	гей	одинок	негативный
3	20	3	Тарту	Украина	бисексуал	одинок	негативный
4	35	6	Таллинн	Российская Федерация	гей	однополое незарегистр. партнёрство	негативный
5	32	7	Таллинн	Российская Федерация	гей	разведён	негативный
6	38	6	Таллинн	Российская Федерация	гей	одинок	негативный
7	26	6	Таллинн	Украина	бисексуал	женат	негативный
8	33	8	Таллинн	Таджикистан	бисексуал	женат	позитивный
9	36	9	Таллинн	Казахстан	гей	одинок	негативный
10	29	7	Нарва	Российская Федерация	гей	однополое незарегистр. партнёрство	негативный

2. Причины эмиграции и контакты с родными и близкими в стране исхода

Основными причинами переезда были работа/учёба либо (в случае граждан россии) надежда изменить жизнь к лучшему, в частности по соображениям большей безопасности. Кроме того, опрошенные неоднократно в качестве одной из причин говорили о наличии местного партнёра или партнёрки. Естественно, мотивы как правило сочетаются:

Я приехал с партнёром — мужчина, парень молодой. Он работает в Таллинне. И я приехал сюда в 2020 г. История, наверное, обычная. То есть я из россии, из Сибири, из Омска переехал в Петербург и в Петербурге уже встретил партнёра /.../ А он с эстонским паспортом. У меня не было такой задачи — переезжать. Я подумал, что нужно попробовать пожить. — И.: То есть вы ни от чего не бежали? — В россии не очень комфортная среда. Естественно, я был

в шкафу /.../. Когда я сюда переехал, я сказал своей семье. Мы с ними сразу оборвали все отношения. Я как бы не очень-то бежал. Но потом меня сильно стукнуло, я уехал. Обо мне знают /.../ Я думал, буду жить на две страны, на два города, как-то скрываться. Но когда сказал, меня сразу не приняли в семье. Мы год не общались. И только сейчас мы постепенно налаживаем отношения /.../. Мосты сожжены и я не буду возвращаться (Респ. 10)

Я приехал сюда в 2019 г., не знал вообще никого, языка не знал, никаких людей. Просто так приехал. Сказали, есть работа. До этого я жил долго в Польше, Чехии, Германии. В Эстонии уже шестой год. У меня здесь вид на жительство. Ну, типа по жене. Это бисексуальность. До этого я работал. Сначала два года обычный вид на жительство, поработал, потом рабочая виза, потом виза ещё на пять лет (Респ. 7)

Жил в Санкт-Петербурге, и петербуржцы частенько катались в соседнюю страну за вкусной едой и за отдыхом (Респ. 4)

В том случае, если причиной переезда было опасение каминг-аута на родине, то отношения с оставшимися там близкими являются сложными. Причина, по-видимому, кроется не только в сексуальности, но и в общем ослаблении связей, сужении перечня общих тем:

Поддерживаю контакт. Слово поддерживаю — буквально. Кто-то общается с родителями каждый день, а кто-то раз в месяц. Мой вариант «раз в месяц». Один раз созвонились с мамой, поговорили, какие-то новости обсудили на месяц и до свидания. У них своя жизнь, у меня своя. Особо не клеится (Респ. 6)

3. Интеграция в Эстонии

Следует упомянуть, что одной из причин выбора Эстонии как страны иммиграции является кажущаяся языковая и культурная близость с другими странами пост-советского пространства.

Это не была незнакомая страна, потому что история моего приезда сводилась к тому, что мой друг из Москвы, он переехал сначала в Питер, сдружился с кем-то, кто из Питера мотался в Эстонию на выходные /.../ Покатались по стране, посмотрели своими глазами, когда такие же пенсионеры, такие же бабки на лавочке обсуждают цены в евро. Такой разрыв шаблона, что сложно представить. То есть стоит какая-то палатка с овощами, фруктами. Всё, как я привык, только цены в евро. И все говорят по-русски (Респ. 6)

После переезда респонденты сталкиваются с отличиями, которые в первую очередь связаны с языком (только в пограничных с Россией регионах русский язык является основным, тогда как для комфортного проживания в большей части Эстонии нужны знания эстонского), и во вторую — с небольшими масштабами страны и, соответственно, большим значением родственных и дружеских связей:

И.: А насколько легко было найти семейного врача здесь? — Я нашёл не через базу, а её сноха работала со мной. Потом я подумал, что слишком далеко к ней ездить. А мой арендодатель сказал, что есть очень хороший врач, но у него

мест нет. Но я всё равно попросил, чтобы он узнал. И он сказал: «да, одно место найдётся». И вот взял (Респ. 9)

Кроме общих для всех иммигрантов проблем незнания языка и отсутствия социальных связей, опрошенные МСМ указывали, что масштаб маленькой страны особенным образом преломляется именно в ЛГБТ-сообществе:

Для меня здесь очень мало людей, всё кажется таким скучным, рутинным /.../ Здесь, в Нарве особенно, в Таллинне чуть полегче, но всё равно мало. Не сильно бурная ночная жизнь. Я здесь за два года никуда не ходил. В целом, за два года мне было очень сложно найти друзей здесь. Вот я здесь отучился, я устроился здесь на работу, я участвую в разных проектах. Но мне не удалось здесь создать такую же вокруг себя комьюнити, как это было в Москве. Наверное, неправильно сравнивать (Респ. 1)

Круг общения, можно сказать, нашёл. Но он строится из приезжих. Неважно, россияне, украинцы, кто-то из соседних русскоговорящих. Вот с местными тяжело. У них другой менталитет. У них нет в этом необходимости. То есть поговорить, попереписываться вечером. А вот строить дружбу и постоянное общение... я этого не вижу, такого интереса. Я бы мог сказать, что дело во мне. Но таких историй я слышу очень много в разных ключах, то есть когда исключаются те факторы, которых у меня нет (Респ. 6)

Для одного респондента камерная атмосфера маленькой страны преломляется в её восприятии как промежуточной остановки на пути к привычной жизни мегаполисов:

У меня есть цель. Я хочу выучить эстонский и сдать экзамен на гражданство. Эстония — это не моя цель. В конце концов, я хочу оказаться в Голландии /.../ Я выучу бесполезный эстонский язык, получу полезное гражданство и буду жить там, где захочу (Респ. 1)

Хотя большая безопасность Эстонии упоминалась как одна из причин эмиграции, местное ЛГБТ-сообщество, по крайней мере русскоязычное, отличается «советскостью»:

Я знаю контекст, потому что это в том числе моя работа. Там даже молодые парни двадцати лет, они скрываются. Это не только касается людей, которые старше 40, как в Советском Союзе. Даже молодых — они тоже боятся и скрываются. Это ненормально. И опять я со своим подходом, я не скрываюсь, моих знакомых это напрягает. Они не понимают, зачем ты это делаешь, зачем выпячивать? И я себя чувствую белой вороной. У меня здесь нету родственников, у меня нету здесь друзей и знакомых. Но все равно у меня есть моя работа. Я приехал, мне нечего терять. Но другим-то есть что терять! Потому что у них знакомые, родственники, они здесь родились и выросли. Они боятся, они скрываются. И в городе, кроме Л. [местный политик. — Авт.], я не могу назвать других открытых геев (Респ. 2)

При этом, как и в других пост-советских странах столица ощущается как более прогрессивная по сравнению, к примеру, с Нарвой:

Там вся инфраструктура ЛГБТ практически в Таллинне сосредоточена, чуть-чуть в Тарту ещё есть. Всякие клубы. Я знаю людей, просто это такой пузырь, в который я тоже захож, и оттуда я черпал своих знакомых (Респ. 3)

И.: В Таллинне регулярно проходят секс-вечеринки... — Это опыт, пережитый в Москве. Я просто я не знал о том, что такое происходит в Таллинне. Мне казалось, что в Эстонии с этим пока всё очень глухо. В Нарве такого ничего. В Таллинне, в Тарту и в Пярну есть нудистский пляж. Туда ходят деды, чтобы подрочить в кустах. Это привлекает. Потому что я самый молодой там, и иногда я чувствую потребность во внимании (Респ. 1)

В связи с этим связи с местным ЛГБТ-сообществом (как неформальные знакомства, так и участие в деятельности НГО или инициативных групп) выстраиваются преимущественно в Таллинне и Тарту:

У нас даже своя Telegram-группа. Есть там человек 20, наверное /.../ ребята по теме. Это уже было после переезда в Таллинн. В Ида-Виру и менталитет немножко более советский. Ну и людей не так много. Как правило, все, кто стремится к чему-то большему, всё-таки в столичный регион переезжают. В основном, весь круг из Таллинна (Респ. 5)

Я волонтер организации QSpace. И через две недели мы едем по программе обмена в Гамбург, чтобы пообщаться с русскими политиками, с некоммерческими организациями о том, как они устроены в Германии /.../ Я был на параде, там были викинги, знаю А. Медведев. Очень много волонтеров /.../ С медведями я знаком через московских друзей. Я просто люблю медведей (Респ. 1)

При этом среди иммигрантов есть разделение по языку, а знакомство с эстоноязычными ЛГБТ является скорее исключением (если есть общие знакомые), чем правилом:

В основном мои хорошие друзья это друзья моего партнёра. И если бы не он, то я бы, наверное, я бы познакомился с этими людьми, но мой контакт с ними был бы не такой близкий. — И.: А если исключить путь через друзей, то как бы можно было выстроить сообщество вокруг себя? — С другими людьми мы познакомились в тиндере. Открываю, а там одни подсолнухи и цветы. Люди работают на заводе. Конечно же, они не хотят себя показывать (Респ. 1)

И.: Как вы пытаетесь здесь организовать какое-то сообщество? — В этом проблема. Вот я по крупицам просто личных друзей каких-то своих дёргаю. Тяжело, тяжело. Вот сейчас человек где-то был на связи, сейчас пропал, просто перестал отвечать. Они там где-то встречаются, я не знаю, какие-то настольные игры, поиграть на чьей-то квартире. Это пузырь. /.../ Я могу сюда своих друзей подтянуть, но от этого не сложится комьюнити (Респ. 2)

Я могу сделать поправку на то, что это моя история, но идёт некоторое разделение. То есть русскоязычные тянутся к русскоязычным, эстонцы — к эстонцам. И международное сообщество тоже идёт несколько в стороне. Обычно это какие то тематические приложения Grindr, Hornet, где люди находят друг друга. Реже бывают знакомства в клубе или, напр., в общей компании /.../ — И.: А вы пытались куда-то в другие среды попадать? — Да, но иностранцы имеют свойство приезжать-уезжать, а эстонцы достаточно закрыты. И вот часто слышу, что если у эстонцев сложился круг в школе или студенческие годы, он его потом практически не расширяет. То есть это бу-

дет один-два друга со школы. А чтобы вот так влиться человеку возраста порядка 30-35 плюс, то надо очень сильно постараться (Респ. 4)

Что же касается знания эстонского, то большинство наших респондентов, несмотря на несколько лет (от 2 до 9) пребывания в стране, владеют им только на начальном уровне (A2–B1, что соответствует формальным требованиям Закона об иностранцах⁹). Только двое (из Украины и Таджикистана) указали, что вследствие работы в эстоноязычной среде их знаний достаточно для общения, тогда как остальные в повседневной жизни используют русский и/или английский языки, в т. ч. на работе. При этом опрошенные отмечают, что недостаточные знания эстонского ограничивают их карьерные перспективы и являются препятствием в коммуникации с нерусскоязычными людьми:

Пока я не выучил эстонский язык. Без эстонского, понятное дело, нужно искать какие-то отдельные специфические места работы. Но вот именно в Нарве как раз есть такое. — И.: А какие перспективы? — Не знаю /.../ Была сдельная работа, но не могли взять на постоянное место, потому что у нас происходят летучки. На эстонском надо разговаривать, корреспонденция, связи с общественностью. Например, мой друг за два года стал из сотрудника исполняющим обязанности директора. Купил квартиру в Нарве, купил квартиру в Таллинне в ипотеку. Перспективы есть (Респ. 2)

С эстонцами я не так хорошо владею языком, чтобы беседу поддерживать легко. А если говорить про английский или русский /.../ Ты куда ни приди, всё время уткнулся в какого-то человека, кто не говорит по-русски или по-английски, специально для тебя никто не будет переводить. И если это какие-то такие вещи, то надо найти такой рабочий коллектив, где можно как-то коммуницировать. Я, конечно, тяну, но эстонский не тянется так быстро, как хотелось бы. Сейчас B1 готовлю, но у меня больше такой читательско-писательский язык, то есть я могу понять какую-то фразу, примерно понять смысл, о чём меня спросили, двумя словами ответить. Ответить просто. Но этого недостаточно для досуга (Респ. 6)

4. Случаи стигмы и дискриминации в Эстонии

Опрошенные МСМ по большей части отмечали достаточно безопасную среду, в которой случаи физического насилия являются исключением:

У меня нет такого видения, что всё здесь идеально. Все очень евроориентированы. То есть какие-то толерантные /.../ один раз у меня было, что я был в Таллинне, и мы шли с моим знакомым, и как-то нас какой-то алкоголик окликнул. Ну, то есть, несерьёзно. Меня даже это не разозлило (Респ. 3)

В то же время по сообщениям прессы, гомо- или трансфобное насилие имеет место, а его последствия могут быть чрезвычайно серьёзными. Так, летом 2022 г. Кирилл Лукин (24), познакомившись в баре с транс-женщиной Сабриной (37), приехавшей в Эстонию из Южной Америки, обнаружив позднее

⁹ <https://www.riigiteataja.ee/akt/108072021017>

в апартаментах её трансгендерность, жестоко и осознанно убил, нанеся 30 ударов (9 из них были смертельными) ножом¹⁰.

Как и для эстонских ЛГБТ (см. напр.¹¹), в жизни ЛГБТ-мигрантов присутствует дополнительный стресс, связанный с внутренней стигмой / ожиданием насилия:

Я работаю в образовании /.../ Нет, я не открытый, потому что я работаю с детьми. И... я не думаю, что это актуально (Респ. 9)

Однако живущие в Нарве респонденты говорили об открытой гомофобии как о повседневной реальности:

В Нарве есть один открытый, самый известный открытый гей Л. Он политик из Ээсти200. И вот он сталкивается со всеми формами остракизма, когда на улице мужик вслед ему орёт: «пидор идёт». У нас есть Нарвская Венеция, где гаражи. И там мужики из гаражей. Понятно, какая публика, но мы вынуждены с ними сотрудничать, потому что на лодке надо покатавать художников и так далее. И просто у меня был диалог год назад, летом, он выпил, председатель этого гаражного товарищества, говорит: «Л. пидор». Я подхожу, говорю ему: «я с вами не согласен». И вот он подошёл, выше меня на три головы, в глаза и говорит: «мне похуй, что ты не согласен». Потому это тяжело. Или, допустим, тоже какой-то директор строительной фирмы к нам заходит, например, за работу что-то обсудить, и у него лирическое настроение, начинает задирать. Про то, что вот на Западе все сошли с ума — родитель один, родитель два, два папы это нормально, что ли? И вот очень тяжело сделать усилие, чтобы что-то сказать человеку. Это требует смелости. Потому что город маленький. Условно говоря, если тебе завтра понадобится какая-то услуга, не так, чтобы был большой выбор. Если у вас происходит конфликт, и взять другого, вы всё равно вынуждены контактировать. Это просто удобство, не хочу никак осложнять. Мне всё равно, что ты думаешь на тему геев. Мне нужна от тебя работа /.../ Вот ещё один пример. В феврале у меня был ЛГБТ-фестиваль, показывали кино. Я просто был свидетелем, как все местные русские паблики просто были переполнены. После фотографий организаторов даты рождения, где они живут, там «давайте организуем встречу по-русски». Полиция в Нарве работает хорошо. То есть дальше слов, угроз это не идёт, но оно есть. Эти люди живут на этих улицах /.../ И в реальности не было ничего, слава богу. Но в интернете поток ненависти был зашкаливающий (Респ. 2)

И.: В России вы замечали гнетущую атмосферу гомо- и трансфобии. В Эстонии что-то такое могло происходить? — *Я слышал о ситуациях, когда один из активистов местных, В. К., подвергался нападкам со стороны публики, особенно на акциях типа в поддержку Дня независимости Эстонии или дня, когда проявляют какую-то толерантность в отношении ЛГБТ. Ещё один активист, писатель, он тоже несколько раз попадал в нехорошие ситуации, причём именно от русскоязычной публики (Респ. 4)*

¹⁰ <https://limon.postimees.ee/7814566/ubiystvo-trans-zhenshchiny-v-starom-gorode-reshenie-suda-kirill-lukin-nadolgo-otpravitsya-za-reshetku>

¹¹ <https://rus.postimees.ee/8043039/intervyu-glava-estonskoy-lgbt-associacii-uchitelya-gomofoby-i-transfoby-ne-mogut-prekratit-bulling>

Стоит отметить, что в этих двух цитатах нарвские респонденты ссылались на две возможные причины: небольшие размеры экономически-депрессивного (см.¹²) города — 53 тыс. чел., и проэстонская политическая позиция в приграничном с российской федерацией городе.

С другой стороны, сравнительную безопасность Эстонии респонденты связывают с большим уважением её жителей к личным границам:

Заметил одну особенность: со времён переезда в Эстонию особо вообще никто не интересовался моими предпочтениями, ориентацией, статусом и семейным положением. В России это было сплошь и рядом, даже на работе. Знакомые люди постоянно могли: а девушка есть? а что не женат? А есть ли дети? Здесь не принято. Соблюдают дистанцию всё-таки (Респ. 4)

Однако раскрытие негетеросексуальности опрошенного, даже среди молодых и высокообразованных эстоноязычных людей, может быть чревато неприятностями, что показывает история, рассказанная Респ. 5, когда случайное раскрытие его гомосексуальности в среде друзей по университету привело к остракизму и невозможности продолжать дальнейшее обучение.

Что же касается дискриминации без связи с ЛГБТ, то ряд опрошенных отмечали, что трудности могут быть обусловлены их статусом иностранца:

И.: А ощущение неравного отношения у вас было? — Я искал практику с прошлого года, когда учился, я её нигде не нашёл, никто толком даже не отвечал, не знаю, им не понравилось, что у меня российское гражданство и российский опыт или то, что мне 38 лет, а я ищу позицию, на которой сейчас можно какого-нибудь там 22-летнего выпускника взять. Но я этого не докажу (Респ. 6)

5. Трудности в получении медико-социальных услуг

Знакомство с системой медицинских и социальных услуг является частью государственных курсов первичной адаптации, предоставляемых новопривывшим бесплатно¹³. По словам опрошенных, дигитальная организация системы здравоохранения означает уменьшение порога доступности, возникающего в том числе из-за незнания эстонского языка:

Несколько друзей нам рассказывали, как что устроено, этот портал «Здоровье», как там регистрируют семейные врачи. Это просто какая-то магия была для меня. Через такое общение нам сказали: вот сюда идёшь, туда смотришь, вот так работает, пробуй /.../ Когда начали здесь жить, появился вид наительство и были курсы интеграции, на которых рассказывали, как всё это устроено. Это было на самом деле очень круто и интересно (Респ. 6)

В целом, респонденты не отметили особых трудностей в получении услуг. Как было показано ранее¹⁴, те проблемы, которые им встречались (долгое

¹² <https://rus.postimees.ee/8160358/roman-vikulov-integracii-narvityan-v-estonskoe-obshchestvo-prodolzhaet-meshat-bednost>

¹³ <https://www.settleinestonia.ee/adaptation>

¹⁴ Kasianczuk M., Rütel K., Tserkašina E., Kulbayev S., Djuma V. Immigrandid Eestis: HIVi ja kaasuvate infektsioonide olukorra hindamine, et tagada sellele olulisele sihtrühmale vajalikud teenused. Uuringuraport. —

время ожидания, получение услуг специалистов по направлению семейного врача), ничем не отличаются от тех, с которыми приходится иметь дело местным жителям:

И.: Как дела обстояли в Эстонии с медициной? — Это всё было положительно. То есть у меня всегда есть страховка, потому что я работаю. И у меня была операция в Эстонии уже. — И.: То есть с семейным врачом сразу получилось? — Да. И стоматологи тоже. Я не сказал бы, что для меня это было дорого. А то, что здесь иногда проблема к специалисту попасть, ну просто тупо записаться, потому что очередь есть. То есть там буквально нужно было подождать неделю или даже несколько месяцев. Психотерапевтов, когда была депрессия, что я нашёл быстро (Респ. 2)

Я не знал, что здесь надо семейного врача искать. Когда узнал, то много больниц отказало мне, потому что мы сейчас никого не принимаем. Приезжих мы тоже не принимаем, нам не надо и всё такое. Потом, со временем, с трудом я нашёл клинику, которая приняла меня (Респ. 7)

Уже после завершения полевого этапа транс-клиентка ЕНРV, уже два года живущая в Эстонии, пожаловалась на проблемы в медобслуживании, связанные с её транс-статусом: все врачи, в том числе в платных клиниках, и независимо от причины обращения отказывались предоставлять помощь, мотивируя это тем, что ей «нужно обращаться к эндокринологу».

Также как и в предыдущем исследовании, в неургентных случаях опрошенные могут прибегать к помощи друзей и родственников, в том числе оставшихся в стране исхода:

И.: Здесь люди часто жалуются на медицинское обслуживание. — Я не обращался к врачу за два года. Моя мама работает в этой сфере, поэтому все консультации у неё. Она по-прежнему живёт в России (Респ. 1)

И.: Вот вы приехали в чужую страну шесть лет назад. Здесь ни друзей, ничего. Как, например, к врачу пойти? — Были трудности. Но потом я нашёл человека, с которым хорошо общаюсь. Страна, язык. Конечно, он знает русский и эстонский. Он мне помогал. А потом уже я перестал барьер себе ставить. Пробовал разговаривать на эстонском (Респ. 7)

6. Планы на будущее

Планы всех опрошенных объединяет стремление продлить в том или ином виде своё пребывание в Евросоюзе. Кто-то, как упоминалось выше, воспринимает Эстонию как промежуточный пункт на пути в более богатые страны. Для кого-то Эстония кажется конечной станцией. И в том, и в другом случае реализация планов связана с выполнением условий интеграции, которые государство выдвигает по отношению к иностранцам, прежде все-

го со знанием эстонского языка на категорию В1. Вместе с тем, эти планы связаны с наличием или отсутствием в Эстонии брака или партнёрства:

И.: А дальше как планируете? — *Жена приедет на родину, она эстонка, или я поеду к ней. Но мне, знаете, надо какое-то определённое место, чтобы за-сесть, чтобы получить какие-то документы. А так почему нет? Если я выучил язык на категорию, то могу получить вид на жительство (Респ. 7)*

И.: А ваш союз как-то зарегистрирован? — *Да, у нас есть партнёрство. Мы ходили к нотариусу, чтобы получить вид на жительство, и там мы были как партнёры. Что можно теперь сделать? Брак? С нового года можно подумать об этом. Может быть, это брак, полноценный брак в смысле, то есть абсолютно равный гетеросексуальному браку, в том числе дети. Это, наверное, имеет смысл сделать (Респ. 4)*

Для мигрантов из россии будущее связано также с текущей политической ситуацией, когда нежелательность пребывания граждан стран-агрессоров в Эстонии затрудняет построение каких-то определённых планов:

И.: Ну а теперь что планируете? — *Мы пожили два года вместе, и, наверное, наши отношения переросли больше в такой дружеский формат. Через неделю я приезжаю в Таллинн, он остаётся здесь. — И.: Но вы будете de jure партнёрами? — Мне нужна смена обстановки. У меня есть знакомые эстонцы, с которыми я общаюсь на английском. Я иногда начинаю переживать, когда россия делает очередной вброс, и мне кажется, что всё нерусскоязычное население... Я чувствую себя очень дискомфортно в этот момент. Я всегда переживаю за это. Потому что есть такая женщина, как Каллас [Кая Каллас на момент интервью была Премьер-министеркой Эстонии. — Авт.]. Есть и такие же, как и она. И каким бы я здесь не был хорошим человеком... Даже несмотря на то, что я учусь здесь, работаю, плачу налоги, участвую в культурных, социальных проектах. То есть как негражданин делаю максимум от себя. Как будто бы они готовы обесценить твои старания только потому, что ты русский. Я всегда за это переживаю. Я знаю, что мои знакомые — русскоязычные, эстонцы, англоязычные — они всё равно так не считают (Респ. 1)*

Все опрошенные не связывали своё будущее с возвращением на родину за исключением тех случаев, когда в силу непреодолимых обстоятельств они будут к этому принуждены:

И.: Вы говорили о трудностях с документами... — *Трудности с документами нас с самого начала преследовали. Мы сюда приехали по учебной визе. Тогда нам первый раз сказали: вот вы приехали в гости, а остались тут учиться. Вот какие вы хитрые. Дальше работа: то её не продлевают, потому что от всех русских избавляются. То ли там ещё что-то. Сейчас опять какая-то песня, то ли дадут, то ли не дадут. Я подал документы в суд, оспаривая решения всех этих инстанций. Дважды отказали /.../ Соответственно, у меня есть чуть больше года хорошей жизни. Вот отсюда начинает закладываться чемоданное настроение, зачем я буду вкладываться, если придётся уехать. Если всё равно погонят, то язык уже и неохота учить. Никому ничего неохота, каждый сам по себе. Но только у местных есть свои мамы, папы, с кем они проводят время. У них всё замечательно. А ты не знаешь, с кем поговорить, потому что не понимаешь, что делать. И даже поделиться не с кем, потому что я не могу поде-*

литься с родителями. Сложно что-то делать, всё по инерции /.../ — И.: Изоляция? — Для меня, наверное, это намного легче, чем оказавшись сейчас в россии, вариться в той помойке. Пусть я буду сидеть в своей квартире или на даче и не работать или что-то такое. Когда за любое свидание или встречу с парнем уже могут статью пришить. Просто за любой чих, уже как подумаешь. Нет уж, лучше тут пока так, чем там ходить под статьёй. Вот если тут всё накроется медным тазом и со всеми документами, у меня ничего не получится. И придётся вернуться тогда. Но уже от безысходности (Респ. 6)

Выводы

В течение лета–осени 2024 г. Эстонская сеть людей, живущих с ВИЧ, провела исследование потребностей мигрантов-МСМ в качественной методологии, в рамках которого было взято 10 полуструктурированных интервью (на украинском или русском языках по выбору респондента) у проживавших в Таллинне, Тарту и Нарве цис-гендерных гомо- или бисексуальных мигрантов-мужчин из стран ВЕЦА.

Основными причинами эмиграции были как экономические, так и связанные с усиливающимися гомофобными тенденциями в странах исхода — в целом это описывалось как поиск «лучшей жизни». При этом Эстония воспринималась как страна, более близкая, чем страны Центральной и Западной Европы, в культурном и языковом плане.

Основными стратегиями интеграции на новом месте были взаимодействие с семейным партнёром из «местных» (в том числе легализация своего союза как партнёрства или брака), попытки организации вокруг себя небольшого сообщества (в том числе из таких же мигрантов), поступление в учебные заведения (чтобы получить «диплом европейского образца»), участие в деятельности местных ЛГБТ-организаций или групп, а также выполнение интеграционных требований законодательства, в первую очередь — изучение эстонского языка.

Попыткам наладить связи с ЛГБТ-сообществом Эстонии, как правило, препятствуют языковой и культурный барьеры даже в том случае, если опрошенные хорошо владеют английским — не имея укоренённости в эстонском обществе, в котором значительную роль играют неформальные родственные и дружеские сети, мигранты часто могут коммуницировать только с другими мигрантами. Вместе с тем, наличие в Эстонии семейного партнёра несколько облегчает вхождение в местные неформальные сети.

Контакты мигрантов с родными и близкими в стране исхода оказываются в большинстве случаев ограниченными как из-за негетеросексуальности опрошенных мигрантов и гомофобии оставшихся на родине близких, так и из-за опасений преследований (как из-за СОГИ, так и по политическим мотивам) в том случае, если мигрант будет вынужден вернуться. Не последнюю роль также играет ослабление социальных связей на расстоянии.

Случаи стигмы и дискриминации по признакам СОГИ упоминались, как правило, респондентами, живущими на экономически-депрессивном Северо-Востоке (Нарва и прилегающие города). При этом описанные случаи в приграничном с российской федерацией районе ассоциировались также с проэстонской политической позицией преследуемых и с антизападной политической риторикой российской пропаганды. Что касается стигмы и дискриминации в связи со статусом мигранта, то граждане России отмечали как

риторику эстонского политикума, направленную на мигрантов с российским гражданством, так и трудности с легализацией своего статуса, однако конкретных доказательств связи со своим гражданством привести не могли.

Трудности в получении медико-социальных услуг ничем не отличаются от тех, с которыми приходится иметь дело местным жителям. В ряде случаев опрошенные пользовались медицинскими консультациями друзей и родственников, оставшихся в стране исхода.

Планы на будущее и связанные с ними потребности сводятся в целом к преодолению двойного одиночества (в новой стране и при общении с близкими в стране исхода), то есть с более глубокой интеграцией в эстонское общество вообще и местное ЛГБТ-сообщество в частности. Реализации этих планов может помешать усиливающееся в ВЕЦА геополитическое противостояние и связанное с ним восприятие в Эстонии иммигрантов из России и её сателлитов как потенциально опасных.

Результаты представленного исследования характеризуются рядом ограничений как методического плана (использование качественного метода сбора и анализа информации в небольшой неслучайной выборке означает невозможность экстраполяции данных на более широкую популяцию), так и связанных с характеристиками исследованной выборочной совокупности (выходцы из стран ВЕЦА, которые однако составляют большинство иммигрантов в Эстонии). В целом же, нынешнюю работу можно трактовать как пилотную, призванную очертить проблемы ЛГБТ-мигрантов как уязвимой социальной группы.

